

Когда мы познакомились с Матрёной Тимофеевной К., ей было уже за 90. Абсолютно ничем не примечательная старушка, высохшая от времени, с глубокими бороздами прожитых лет на лице и выцветшими глазами неопределенного цвета, то ли бледно-серого, то ли бледно-голубого, напоминающими сливающийся с поверхностью Балтийского моря туман.

Жила она не у себя дома, а в социальном заведении, где старухи побойчее и позлее каждый раз старались ее побольнее «ущипнуть», потому что знали: беззлобная и тихая Матрёна даже словом их не обидит. С другой стороны, назвать ее затюканной ни у кого язык не поворачивался, скорее, бабушка была себе на уме.

Мы обратили внимание друг на друга практически случайно. Она сидела, зажмурив глаза, на лавочке во дворе их приюта и грелась на первом по-настоящему теплом апрельском солнышке. Ее ноги прикрывал давно побитый временем и молью полушалок.

Когда я проходил мимо, он соскользнул со старушечьих колен и очутился на пыльной земле.

Для бабушки в этом мире ровным счетом ничего не изменилось: она то ли дремала, то ли ей было физически тяжело нагнуться за убежавшим жгутом слежавшейся шерсти. Но я пройти мимо этого не мог. Поднял полушалок, прикрыл ее ноги и собрался было уходить, чтобы не потревожить ее дрему. Но был остановлен тихим голосом:

— Спасибо, деточка! Дай бог тебе здоровья.

После этого старушка быстрым движением изогнулась и проворно прикоснулась своими сухими губами к моей руке, чем еще больше озадачила.

Мы разговорились. Я поинтересовался, как долго она здесь сидит: апрельский ветерок нельзя было игнорировать, простудиться можно в два счета. Она сказала, что уже собиралась уходить, и пригласила меня в свой «номер» выпить чаю.

— Не пожалеете, — уверяла моя новая знакомая. — У меня чай из самого настоящего самовара, правда, воду я кипячу в электрическом чайнике, а потом заливаю ее в самовар.

— Зачем? — удивился я. — Разве это что-то дает? Это когда самовар растапливали сосновыми щепками, он придавал чаю особый смолистый дух.

— Самовар и полушалок — единственное, что у меня осталось от прежней жизни, — возразила старуха. — Смолистого духа, может, и не чувствуется, но прежние воспоминания согревают душу. Идемте скорее, до обеда еще есть два с половиной часа, так что чай абсолютно не повредит. Да и вы, наверное, с дороги устали, вижу, не местный...

Смена планов никак не входила в мой распорядок дня. Но, с другой стороны, я видел, что бабушке нужно выговориться, исповедаться. И хотя я не принадлежу к разряду священнослужителей, но никогда не прохожу мимо тех, кто нуждается в понимающем и терпеливом слушателе.

Уже с первых минут рассказа Матрёны Тимофеевны (совпадение по имени-отчеству с главной героиней некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» целиком и полностью случайность) я потерял счет времени, полностью погрузившись в среду ее жизни.

Она говорила тихо, не торопясь, а я, словно наяву, видел и деревню Марьинку, и покосившиеся от времени дома ее обитателей, и даже чувствовал медовый пряный вкус яблок «белый налив», которые с гулким стуком скакали по изумрудной траве, пытаюсь закатиться в ямку и спрятаться от посторонних глаз. Там они сразу же становились добычей шустрых муравьев и от их хаотичных движений, казалось, ползут, зарываясь от этих ненасытных насекомых в землю. Передо мной гудели шмели, а полосатые осы еле ползали в ярко-желтом нектаре сока сливы, которая от избытка влаги треснула наискось, забрызгав медом темные листья.

Я слышал, как хлопает крыльями петух, словно раззадоривая себя перед побудкой солнца, мычанье коров, торопящих хозяек, чтобы поскорее вывели их на росистый луг. Где-то на выгоне та-рахтел трактор, на токе лилась желтая река пшеницы, а к калиткам бежали наперегонки белые лепестки ромашек и узорчатые сиреневые васильки.

Ее язык был богат и сочен, память передавала мельчайшие детали, и уже к пятой минуте рассказа и я, и она окунулись в весну 1943 года. Для нее это была часть жизни, а для меня каждый поворот истории таил в себе неожиданность. Порой здравый смысл отказывался верить в такой поворот событий, но в том, что это была сущая правда, сомневаться не приходилось. Участница тех событий сидела передо мной. Ей явно хотелось выговориться, снова пережить яркие и острые эмоции, словно она подводила некий итог.

Возможно, мне не удастся передать весь этот накал, сгусток переживаний и ощущений. За эти два часа я стал несколько иным человеком, словно побывал в чистилище. Многие проблемы, беспокоившие меня еще два с половиной часа назад, показались настолько ничтожными, что разрешились сами собой. Они не стоили даже времени и каких-либо затрат — физических или психологических. Подобный всплеск чувств я пережил однажды, когда окунулся с головой в источник Святой Анны, что находится в сорока километрах от Почаевской лавры. Погружение было быстрым, а грудь тут же стиснули клещи холода. С минуту я просто не мог «раздышаться» и просто замер с раскрытым ртом, словно все мышцы разом свело судорогой. Позже я окунался в этот источник с температурой + 4 °С еще несколько раз, а выходил из воды совсем другим человеком.

Возможно, я что-то упустил из рассказа Матрёны Тимофеевны. Надеюсь, она меня за это простит и отмолит в том мире, куда ни одному из смертных нет входа. Отмолит? Она, кажется, заслужила такое право — судить других.

У них с Ванечкой, ее 19-летним мужем, была только одна совместная ночь. Короткая, как полет кометы над горизонтом. Потому что на рассвете ему предстояло уйти на фронт. Они поженились 22 июня 1941 года и мечтали никогда-никогда не расставаться. А на столе уже стоял вещевой мешок, в который были уложены нехитрые солдатские пожитки.

Они любили друг друга очень жарко. О чем-то догадывались? Просто наслаждались тем, что узнали друг друга до последней родинки?

...Первое письмо с фронта он написал ей только в ноябре. Скупко сообщал о том, что попал в окружение и с боем пробивался к своим. Слава богу, его ранило не сильно и благодаря тому, что он хорошо ориентируется в лесу и знает все лекарственные растения, ему удалось спасти несколько своих боевых товарищей. За что командир роты, которого вынесли на носилках и сохранили ему жизнь, представил его к медали «За боевую доблесть».

Всего таких писем было пять, связь с Ваней оборвалась в декабре 1942 года. Но Матрёна была уверена: ее муж жив, просто у него нет возможности писать. До писем ли, когда идут такие страшные бои?

И вдруг весточка из госпиталя: «Здравствуйте, Матрёна. Обращается к вам товарищ по несчастью вашего любимого Ванечки. Мы находимся на излечении, и в последнее время ваш муж становится все грустнее и грустнее. Конечно, он с собой ничего не сделает, потому что самовар, но может быть, вам удастся как-то выбраться к нам? Уверен, это пойдет Ване на пользу...»

Матрену зацепила фраза: «...он с собой ничего не сделает, потому что самовар». В первые минуты ее взяло зло: а почему Ваня сам ничего не написал? Она ведь так ждет его писем. Но потом подумала: а может, он ранен в правую руку и потому просто

не имеет возможности писать. И почему этот Иванов друг упомянул самовар?

На всякий случай она прибежала на следующий день к председателю колхоза — однорукому Михайле Янко. Показала письмо и попросила, чтобы он отпустил ее проведать мужа.

— Сума сошла девка! — зашипел на нее Михайло. — Работай в колхозе, у нас же каждая рабочая рука на счету. Сама понимаешь, все для фронта. Для твоего мужа, который сейчас на излечении...

Но Матрёна была упорной. Каждый день она заводила одну и ту же песню: отпусти и отпусти. Капля камень точит. Однажды Янко не выдержал: «Да провались ты пропадом со своим госпиталем. Все печенки выела. Поезжай ужо...»

...Вся последующая неделя прошла у Матрёны в радостных хлопотах. Ей непременно нужно было найти самовар. И не просто самовар, а лучший из лучших, чтобы он поразил Ванечку. Ей казалось, вот отведает ее муж чаю из целебных алтайских травок из этого красавца-самовара, и сразу же зарубцуются его раны, отступит боль. А там, глядишь, и удастся Матрёне уговорить суровых врачей отпустить Ваню на поправку домой. И пока он будет восстанавливаться, вдруг война подойдет к концу, закончится. И никуда больше Ванечка не поедет...

В том, что ему дома будет гораздо лучше, Матрёна нисколько не сомневалась. А кроме того, еще с осени прошлого года она припасла для него баночку липового меда.

Мед был в большом дефиците — все, что добывалось на колхозной пасеке, до капельки сдавалось в фонд обороны, однорукый Янко за этим строго следил и частенько навевывался на пасеку. Но дедушка Фрол, который ведал пчелиным хозяйством, сумел каким-то чудом нацедить баночку Матрёне. Она приходилась ему правнучкой, причем самой любимой, вот он и постарался. Впрочем, узнай кто посторонний об этом прегрешении старого Фрола — не сносить ему головы. Но об этом не ведала ни одна живая душа.

Сначала Матрёна решила везти сладкий подарок Ивану. Но потом рассудила здраво: во-первых, ее могут обворовать в дороге, лихих людей в военные годы развелось немало. Во-вторых, кто-то мог спросить, откуда она достала мед, а врать Матрёна

не умела. Ей очень не хотелось бросить даже тень подозрительности на дедушку Фрола. И, наконец, совсем уж эгоистичная мысль: Ивану, наверняка, захочется поделиться медом с друзьями. И им ложка меда ничем не поможет, и его восстановление замедлится.

— Никуда эта баночка не денется, — окончательно успокоила себя Матрёна. — Вот вернемся с Ванечкой домой, и наступит сладкая жизнь.

...Вечером накануне отъезда к Матрёне заглянул дедушка Фрол. Критическим взглядом осмотрел пузатый узел, пожевал свои сухие губы и проскрипел:

— Слишком он у тебя броский, Мотя! Любой позариться может. И глазом моргнуть не успеешь — как из рук вырвут. Это у тебя такой самовар огромный? Вылитый танк. Где ты его раскопала?

— В Кутьино, — похвасталась Матрёна, — полночи на себе домой перла.

— А что у него внутри? — поинтересовался дед.

— Как что? — удивилась Матрёна. — Знамо дело — пустота!

— Это у тебя в голове пустота! — усмехнулся дед. — Туда нужно было сложить все, что влазит. Тогда и узел будет меньше, и тебе сподручнее. Кстати, а полушалок ты с собой захватила?

— Шутите, дедушка? — обиделась Матрёна. — Теплынь на дворе...

— Святая простота, — покачал головой Фрол. — Полушалок — незаменимая вещь в дороге. Ложишься спать — подушка под щеку. Идешь где-то в поле, а в спину сильный ветер — укутываешь поясницу, чтоб не надуло. Если вдруг распутица, скрутила полушалок — и прочная веревка готова. Сильный дождь — хотя какая-то вместо плаща подмога: плечи сухими оставит...

Прощаясь, дедушка Фрол даже всплакнул:

— Береги себя, внучка! Вдруг не свидимся. Мне-то уже 92. Живи с Богом. И скорее уже бы пришел мир...

Она добиралась до госпиталя долгие три недели. Вначале до станции попутками, потом в теплушке. Их поезд то и дело обгоняли военные эшелоны. Везли в основном что-то на платформах, под брезентом, скорее всего, боевую технику на фронт. Бывало, их эшелон застревал на какой-то маленькой станции

на два-три дня, и в этом не было ничего удивительного — паровозов катастрофически не хватало. Наконец, когда до нужного города оставалось километров двести, им объявили: дальше добирайтесь сами, теплушки срочно забирают для доставки войск на фронт.

Харчей хватило дней на десять. Несколько раз в деревнях Матрёне предлагали поменять самовар на буханку хлеба или десяток картофелин, но она стойко отказывалась. К концу своего путешествия она высохла, как вобла, поношенное темное платье болталось на ней, словно знамя на ветру, но она шла и шла вперед, ее заставляла двигаться мысль о том, что она скоро увидится с Ванечкой.

...В госпитале на нее практически никак не отреагировали, мало ли жен к раненым приезжает, но посоветовали сначала обустроиться к кому-то на постой, а потом уже отправляться к мужу.

— Вы ему сначала приготовьте что-то вкусненькое, а потом уже приходите...

— И то верно! — всплеснула руками Матрёна. — Устроюсь и приду. Вы только на хранение мой самовар возьмите. Не буду же я его носить туда-сюда...

Самовар принял завхоз госпиталя. И даже расписку выдал. А Матрёна как на крыльях полетела устраиваться в этот небольшой городок. Таких, как она, солдаток, здесь было много, но ей повезло — когда она, отчаявшись устроиться к кому-то, сидела и редела во весь голос на лавочке возле магазина, к ней подошла сухонькая старушка и, поинтересовавшись, в чем дело, приободрила гостью:

— Саму-то я тебя пристрою в своей комнатенке, а вот с солдатиком не обессудь, могу только на ночку-другую, у самой тесно.

Бабушка Прасковья оказалась настоящей находкой. Пока Матрёна раскладывала вещички, она сбегала к своей сестре и принесла целое богатство — небольшую баночку кислого молока, куриное яйцо, пригоршню муки и небольшой кабачок.

— Сейчас мы с тобой стогошим твоему солдатiku оладушки с кабачками. Лишь бы на поправку шел.

...Матрёна вернулась в госпиталь под вечер, неся в узелке нехитрую снедь. Первым делом заглянула к завхозу, взяла самовар

и только потом отправилась на поиски Ивана. Она так и вбежала в палату с самоваром.

В ней лежало около десятка раненых. Ваню она узнала не сразу — худое скуластое лицо на подушке. Из-под несвежей простыни торчала только голова.

— Ванечка, — громко завопила Матрёна, продвигаясь к мужу и цепляясь за спинки кроватей кривыми ножками пузатого самовара.

Он тоже узнал ее и закричал во всю мощь своих легких:

— Дура! Дубина стоеросовая! Как ты могла меня так унижить!

И прежде чем он отвернулся к стенке, она увидела, как на его глазах блеснули слезы обиды.

Она замерла. Застыла, пытаясь что-то сказать, но воздуха в груди не хватало. Матрёна вдруг вспомнила, как она к нему добиралась. Все свои мытарства, голод, смертельную усталость, опасности, которые преследовали на каждом шагу.

За что?!

Она осела на пол и в голос зарыдала.

— Уберите отсюда эту дуру, — снова завопил Иван. — Иначе я за себя не отвечаю!

К ней подскочил небольшого росточка, худенький солдатик, явно из выздоравливающих. Он легонько подхватил гостью под локоть и начал подталкивать к выходу. На ватных ногах Матрёна вывалилась из палаты. Солдатик — за ней.

— Господи, что я ему такого сделала, — слезы потоком лились из ее затуманенных синих глаз.

— Я же вам писал, что Ваня — «самовар». А вы к нему, извините, с настоящим самоваром примчались. Худшего унижения и не придумать.

— Да самовар-то тут причем? — не выдержала Матрёна.

— У Ивана нет ни рук, ни ног, таких инвалидов называют «самоварами», — пояснил солдатик.

— Как нет ни рук, ни ног? — оторопело произнесла молодая женщина. — Вообще?! А как же он ест, пьет?

— Его кормят с ложечки...

— А в туалет он как-то ходит?

— С помощью «утки». Когда медсестра приходит, когда мы помогаем...

— Но когда-нибудь руки-ноги отрастут?!

— Нет, они по второму разу не отрастают. Так и будет на всю жизнь. Они обычно долго не живут. Жены отказываются практически ото всех «самоваров». Женщины молодые, полные сил, зачем им с инвалидами горе мыкать?

— Я пойду и скажу ему, что не собираюсь от него отказываться! — рванула было Матрёна. — Он простит...

— Сегодня уже не надо, — мягко произнес солдатик. — Для него и так потрясение, что вы приехали. Мы его к завтрашнему утру подготовим, уговорим. Да и потом, утро вечера мудренее.

Они помолчали.

— А вы точно не оставите его? — произнес раненый. — Не передумаете? Не предадите?

— Чудак-человек. Конечно же, нет. Он ведь муж мой любимый! Зачем же мне от него отказываться? У нас, в Марьино, больше половины мужиков поубивало на войне, а у нее еще конца-краю не видно. А мой все же живой. Пусть и искалеченный. По гроб жизни за ним ходить буду...

Солнце нестерпимо жгло глаза. Панамку он смахнул, когда под нее вполз жирный овод и с удовольствием впился в переносицу. Ох, и попирировал этот упырь у него на лбу — Ивану казалось, что у него в ушах треск от острых резцов насекомого, которые буровят кожу.

— Матрёна, — изо всех сил завопил Ванька. — Щоб тебя лихоманка разбила! Ты что в подполе застряла, вражья душа. Не видишь, как меня этот фашист жрет!

Сегодня они с Матрёной решили окучить картошку. Она вынесла его, привычно усадила в специальное кресло под грушу, прополосала два десятка рядов, а потом решила пойти в подпол за квасом.

Последнее Ваня не слышал потому, что слегка придремал — по случаю субботы жена с утра позволила ему стопочку водки. Вот и разморило.

Проснулся он оттого, что по нему полз этот темный гад. Думал, что жена где-то рядом, прохрипел. Но Матрёна не отвечала. И тут до него дошло, что она ушла за квасом еще до того, как он заснул. Прошло уже достаточно много времени, потому что солнце уже переместилось на два десятка градусов вперед и нагрело панамку.

Несмотря на жару, Ивана прошиб холодный пот. С нею явно что-то случилось. На счастье, вернулась из школы Настёна, девочка, которую они с женой удочерили, взяв из детского дома, — сирот после войны было очень много.

— Настька, ко мне, — скомандовал Иван. — Во-первых, отодвинь меня в тень, во-вторых, натяни на лоб головной убор. А потом живо дуй в подпол, посмотри что с мамкой...

Когда девочка полезла в подпол, инвалид попытался вытянуть шею, но сделал хуже — стульчик, к которому он был привязан, сместил центр тяжести и, накренившись, свалился в траву. Иван больно ударился лбом о какой-то бугор и чуть не потерял сознание. Слава богу, здесь не было пахоты, иначе Иван вдобавок наглотался бы земли.

— Настька, ко мне! — едва придя в себя, завопил отец.

Девочка как раз выглянула из подпола.

— У мамки спину скрутило, — закричала она. — Я сейчас к соседу сбегая, чтобы помог ее вытащить.

— Какой сосед?! — возмутился инвалид. — Ты сначала меня подними, а потом уже по соседям шастай.

Матрёну прихватило основательно. Уже вечером, когда сосед Назар, троюродный брат хозяйки, ставил ей на больные места пчел, она еще не могла разогнуться. А это ее злило, потому что гость и сам пил много, и инвалиду не забыл подливать.

— Назар, побойся бога, что ты делаешь? Зачем Ваньку спаиваешь, кто его потом ночью будет к ведру таскать? Он всегда, как лишку выпьет, по пять раз за ночь просыпается...

Но было поздно, хозяин дома уже мычал что-то нечленораздельное. То ли пел, то ли стонал.

— Я потом проклинала себя тысячу раз, — сказала мне баба Матрёна. — Пчелиные укусы мне ничем не помогли, а перед рассветом инвалид захрипел, захлебываясь рвотными массами.

Настька в это время дрыхла без задних ног, ничем отцу помочь не смогла.

— Прошло много лет, — чуть помолчав, завершила свой рассказ Матрёна, — дочь вышла замуж и умерла во время родов, и мальчонку тоже спасти не удалось. Зять некоторое время ко мне еще приезжал, а потом, как второй раз женился, совсем дорогу ко мне забыл.

А еще через несколько лет наша с Иваном хатенка совсем развалилась. Хорошо, в сельсовете определили меня в эту богадельню...

На крыльце появился человек в белом халате.

— Баба Матрёна, на обед!

Моя собеседница улыбнулась:

— Я пошла. Спасибо за то, что выслушали меня...

Она протянула сухонькую ладошку в знак прощания, и, чуть согнувшись, начала подниматься по ступенькам.

А я молча смотрел ей вслед и думал: «А много ли сейчас найдется женщин, способных, как она, любить своего мужа и не оттолкнуть его в час беды?! Ведь чаще любят молодых, красивых и богатых».